

Ваха / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Ваха / рассказ ВАХА

Очень тонкий, может быть, по-своему лиричный рассказ – воспоминание автора о годах учебы на геолога. Однокурсником автора и его товарищем по общежитию был выдумщик и весельчак, которого все называли Ваха. Он обожал розыгрыши – иногда злые, иногда трогательные... Странно и удивительно было узнать о самом грандиозном его розыгрыше, изменившем жизнь молодых людей, – спустя тридцать лет...

Впервые опубликовано в журнале «Литературный Кыргызстан» №1 за 2005 год.

В общежитии геологоразведочного факультета Ваху знали все. Вообще-то его звали Владимир, но девушкам он почему-то представлялся Васей, а мужской среде он проходил под кличкой «Ваха» – производной от имени греческого бога виноделия Вакха. Что и говорить, выпить Ваха любил. «Я там, где ребята толковые» – мурлыкал он слова популярной в то время песни, когда узнавал о готовящемся в какой-нибудь из комнат мероприятии с возлиянием, и всегда, как бы случайно, попадал туда в гости. Второй слабостью Вахи была постоянная потребность пошутить или разыграть кого-либо. Объектом его розыгрышей не раз бывал и я, и естественно, особых симпатий к своему сокурснику я не питал, но тридцать лет спустя, вспоминая студенческие годы, начинаю осознавать, что Ваха был прав, и что, кроме его похождений, от тех лет не осталось других более ярких впечатлений.

Мое первое знакомство с Вахой состоялось еще в абитуре. Мечта о романтической профессии геолога привела меня в сибирский город Томск. Хотя я смутно представлял будущую работу, но уже знал на гитаре несколько аккордов и любил напевать «Держись, геолог, крепись, геолог, ты солнцу и ветру брат». Мое место в

студенческом общежитии, куда расселяли поступавших, оказалось занятым молодым человеком с цветущим розовым лицом и начинающим выпирать животиком.

– Владимир Нилович Куприянов, можно считать, студент третьего курса по специальности «Технология и техника разведки месторождений полезных ископаемых»; короче говоря – буровик, – представился он. Обилие мудреных слов и особенно «буровик» произвели на меня должное впечатление. – Какую специальность планируете получить?

– Геологом хочу стать, – гордо признался я.

– Ну, что ты, геология это вчерашний день, надо выбирать или геофизику или, как я, быть буровиком, за техникой будущее, а месторождения все давно открыты, и геологи скоро будут безработными.

(Этот разговор круто поменял мою судьбу, на следующий день и переписал в деканате свое заявление, заменив выбираемую специальность «Поиски и разведка месторождений» на «Технология и техника разведки»). Еще мой будущий коллега поведал, что у него в ближайшее время переекзаменовка, и что он всегда живет в этой комнате, и как только он сдаст «хвосты», так сразу освободит мне кровать, а пока я могу спать на полу. Мысль потребовать полагающиеся мне место как-то не пришла мне в голову, и я довольствовался «половой» жизнью, но и это место мне часто приходилось делить с Вахиными друзьями, которые почти каждый вечер приходили к нему с гитарой и водкой. Ваха был душой этих попоек, и из его рассказов я составлял свои представления о студенческой жизни и о будущей профессии. Она казалась мне состоящей из серии увлекательных приключений с ночевками у костра и путешествиями по тайге, с охотой на диких зверей и, конечно, находками несметных сокровищ в виде россыпей драгоценных камней и золотых самородков.

Романтику будущего сменяла проза жизни. За пьянки в общежитии существовала строгая кара – внеочередное дежурство, или, попросту, мытье полов в коридоре. По утрам нас будил староста этажа, здоровенный детина, с внушающими уважения кулаками, и

жильцы нашей комнаты безропотно шли драить коридор. Ваха и его приходящие друзья в борьбе за чистоту коридоров не участвовали.

Староста этажа — звали его Жекой, несмотря на устрашающие габариты, оказался душевным парнем. Однажды он поделился с нами своими проблемами.

На нашем этаже жил поэт, тоже романтик, к тому же успевший отработать сезон в поисковой геологической партии. Об этом он писал стихи по ночам, а так как из комнаты его выгоняли, то он пристроился творить свои бессмертные произведения около женского туалета, единственного места в коридоре, где горела лампочка. Парни смотрели на него как на придурка, я с восхищением, а вот девушкам такое соседство не нравилось, и они пожаловались старосте. Солидные размеры Жеки не произвели на поэта должного эффекта, он заупрямился, желая сохранить свое место под лампочкой. Когда же разговор перешел на повышенные тона, поэт намекнул старосте, что у него есть кастет и даже пистолет под подушкой. Обо всем этом и поведал Жека, заскочив к нам вечером в комнату, чтобы предупредить о внеочередном дежурстве по коридору. Нельзя сказать, что Жека был напуган, ему просто претило упрямое непослушание поэта. Я не знал, что и посоветовать, а вот Ваха отреагировал сразу:

— Пиши заявление в милицию.

— Зачем? Он ведь врет, нет у него ничего. Это он от испуга.

— Пиши, пиши... А мы проверим. — Ваха кивнул своему другу.

— Сходишь к поэту, покажешь ему заявление, посмотрим, как он запрыгает.

Жека с неохотой сел писать. «Я, Евгений Животов, находился при исполнении общественных обязанностей, а абитуриент Олег Гардабудских из 234-й комнаты общежития геологоразведочного факультета по улице Пирогова, 18 угрожал мне кастетом и рассказывал, что у него есть огнестрельное оружие». Заявление положили в красную папку, и новоявленный представитель власти, проинструктированный Вахой, отправился на задание. Мы стали

ждать результата, попеременно высовываясь в коридор, где происходили основные события.

– Олег Гардабудских здесь живет?

– Да. Это я. А что вы хотели?

– Выйдете в коридор. Разговор есть.

В коридоре Вахин друг, сохраняя металл в голосе, сообщил начинавшему волноваться поэту.

– Заявление на тебя поступило. Ознакомься.

Порывшись в папке, он вытянул на свет только что сотворенный документ. Уже через минуту до нас стали доноситься стенания поэта.

– Это была шутка. Нет у меня никакого пистолета, и никогда не было, а кастет я вам сейчас принесу. – Он забежал в комнату и вынес пластмассовую пластинку с отверстиями для пальцев. – Это я в парке нашел, хотел вам отнести, да не успел.

– Раз есть кастет, значит, и пистолет отыщется, – констатировал Вахин друг. – Зайдете завтра утром в районное отделение к майору Пронину и там все чистосердечно расскажите.

Поэт был сломлен. Он верещал, заикался, всхлипывал.

– Пойдемте к старосте этажа. Я объясню ему, что пошутил.

В нашей комнате эстафету от Вахиного друга перехватил Жека, он также с надменным видом, взирая на мольбу поэта, произнес:

– А кто тебя знает, пуленьш из-за угла.

Но больше этой фразы выговорить уже не смог. Начал фыркать и зачем-то зажимать рот руками. Все принялись бешено хохотать, а Ваха в приступах смеха вытолкнул ничего не понимающего Олега из комнаты. Остановить хохот было уже невозможно. Ваха передразнивал поэта:

– Я... я... по... по... шутил, – и все начинали ржать снова. Минут

через пять смысл нашего идиотского смеха дошел до Олега. Он стал долбить ногами в дверь и кричать.

– Сволочи! Гады! Разыграли. Вот гады, вот молодцы, как разыграли, а я чуть было не поверил. Вот гады.

Никогда еще я так не смеялся. Вахина шутка казалась мне гениальной, но я тогда и представить не мог, что уже в скором времени сам окажусь объектом вахиной импровизации.

Вступительные экзамены подошли к концу, в моем активе было 12 баллов, которые в этом году называли проходными, и я уже ощущал дым ночных костров в далекой тайге. Оставалось еще пройти собеседование в деканате, но Ваха убедил меня, что это простая формальность, и потому я уехал на три дня в родной поселок рассказать знакомым и близким о своих успехах. Особенно мне хотелось похвалиться учительнице русского языка, которая уверяла меня, что с моими знаниями её предмета меня не возьмут даже в профтехучилище. К тому же из дома необходимо было взять теплые вещи, поскольку новоиспеченных студентов, согласно советской традиции, на два месяца посылали на сельхозработы.

В приподнятом настроении я вернулся в институт, где уже полным ходом шли сборы в колхоз. На факультете были развешаны списки студентов, разбитые по группам, но, о, ужас! – моей фамилии в них не было. Я перечитывал несколько раз списки геологов, буровиков, а также геофизиков и нефтяников, но даже что-то близкое к моей фамилии не встречалось. Это была трагедия, и самое страшное в ней было не то, что я не поступил, этот вариант предусматривался в самом начале, а то, что я уже всем раззвонил о своем зачислении. Горю моему не было предела, и лишь мой единственный знакомый Ваха сочувствовал мне, успокаивал и сетовал на себя, что, возможно, если бы он не посоветовал мне не ходить на собеседование, то меня, может быть, и зачислили в институт. Вокруг я встречал сочувственные взгляды и дружеские похлопывания по плечу. В ту роковую ночь я почти не спал, строил планы, как поступлю рабочим в геологическую партию и уеду на край света. Утром меня разбудил

Жека:

– Чего валяешься, наша группа через полчаса уезжает, одного тебя ждем.

Стараясь проглотить ком, застрявший в горле, и остановить, готовые хлынуть слезы я трагическим голосом выдавил:

– Меня нет в списках!

– Ерунда, мы с тобой в группе буровиков.

– А в списках на факультете меня нет.

– Да есть, есть. Это Ваха листки со списками приколот внахлест один на другой и закрыл фамилию твою, и еще одного чудика, а всех предупредил, чтобы не проболтались. Вот они вчера ходили и прикалывались над тобой.

Я почувствовал себя заново рожденным. Я студент. Я будущий буровик, а Ваха, Ваха... но и черт с ним.

Свой экзамен Ваха тогда так и не сдал, а взял академический отпуск, и, когда начались занятия, снова появился в нашей комнате на правах старого знакомого. Из бывших жильцов комнаты, поступавших в том году, остался я один, и теперь жил с Жекой, избранным старостой нашей группы, и Олегом – поэтом из женского туалета. Ваха поселился в нашей комнате «зайцем», но теперь уже он спал на полу и испытывал все тяготы «подпольщика». Свое незавидное положение Ваха усугубил сам, еще до нашего поступления в институт вдоволь поиздевавшись над студенческой добровольной народной дружиной (ДНД). Где-то Ваха раздобыл магнитофонную пленку с записью апофеоза деревенской пьянки, на которой протяжное пение прерывалось залихватскими сальными частушками. Суть вахиной шутки состояла в следующем. В чисто убранной комнате он включал магнитофон с записью и ждал дружинников. На настойчивые стуки в дверь дружинников он открывал не сразу, а двигал стулья, кричал на разные голоса, что бы все сидели тихо. Когда у дружинников создавалось полное впечатление, что они накрыли крупную пьянку в общежитии, трезвый Ваха распахивал дверь и наслаждался эффектом от

вытянутых от удивления физиономий блюстителей порядка. Эту шутку Ваха повторял на бис в разных комнатах, и к тому же постоянно всем рассказывал, какие мины бывают у ребят из ДНД. Надо ли говорить, что студенческая дружина считала делом чести подловить пьяного Ваху и сдать его в медвытрезвитель. И хотя пил Ваха часто, выловить его было не просто.

В тот раз, когда рано утром в нашу дверь постучали, Ваха мигом свернул свой матрас и, юркнув под Жекину кровать, залег за стоявшим под кроватью чемоданом. Проверка паспортного режима была долгой и нудной, я сидел на своей кровати и видел Ваху, который, положив голову на чемодан, строил мне рожицы. Не среагировать на его гримасы было невозможно, и я то и дело прыскал от смеха. Проверяющие смотрели на меня как на полоумного, а Евгений, поняв причину моего веселья, решил прикрыть нашего «зайца» и сел на свою кровать, придавив вахину голову к чемодану. Ваха судорожно пытался освободить свою голову из плена, а у меня началась истерика, я стал задыхаться от смеха, хватаясь за живот. Уходящая от нас комиссия по проверке паспортного режима, вероятно, решила, что я законченный идиот.

Чтобы в будущем обезопасить себя от жекиного шестипудового веса, Ваха подложил под панцирную сетку его кровати доски, поскольку догадывался, что побывать под кроватью ему предстоит еще не раз, и один такой случай, я думаю, Ваха запомнил надолго. В тот вечер Володя был загружен до бровей, перешагнув порог, он произнес фразу, ставшую впоследствии афоризмом: – «Вы видели, как падают мамонты», и, рухнув на мою кровать, захрапел. Вновь из-за Вахи работать летчиками (долбить лед) или парашютистами (выносить мусорные контейнеры из туалетов) нам не хотелось и, когда в дверь постучали, мы с Жекой быстро затолкали Ваху под кровать и задвинули чемоданом. Когда члены ДНД – извечные враги Вахи ушли, мы не стали извлекать его из-под кровати, за что и поплатились. Среди ночи нас разбудил истошный вой, от которого проснулись не только мы, но и несколько комнат вокруг нашей. Орал Ваха. Когда мы включили

свет и извлекли Ваху из-под кровати, красное лицо его было покрыто крупной испариной:

– Представляете, проснулся, стучу вверху доски, по бокам стены, ну, думаю в гробу. Заживо похоронили.

Этот случай добавил Вахе популярности, и он еще долго рассказывал его всему общежитию. Володина слава росла, давно перешагнув границы института, о его похождениях рассказывали анекдоты. Один такой, произошедший с ним казус только в более цивилизованной обработке вошел впоследствии во многие юмористические сборники. А дело было так.

В мужском туалете нашего общежития часто не было света. Если в одной из комнат перегорала лампочка, то её меняли на целую из туалета. И вот однажды Жека, помыв в нашей комнате полы, понес выливать воду. Открыв дверь кабинки, он предварительно поинтересовался, если в ней кто, а уже потом выплеснул туда воду. С криками и матами из кабинки вылетел Ваха. И на резонный жекин вопрос, что же ты молчал, он произнес сакраментальную фразу, ставшую известной на весь бывший Союз:

– Я же тебе кивал!

На четвертом курсе мы догнали Ваху, он наконец-то сдал все свои хвосты, и мы стали однокурсниками. Нельзя сказать, чтобы я испытывал радость от более тесного общения со своим старым знакомым, но судьба была ко мне не благосклонна, и на преддипломную практику по горному делу я попал вместе с Вахой, Жекой и Олегом на Горный Алтай. Ваха, самый хитрый и ленивый, напросился помощником к взрывнику – «сумконосом». Гиганту Жеке доверили управление буровым станком. «Бур должен быть тупым и сильным» – иронизировали мы с Олегом по этому поводу. (Поскольку, мы с ним не обладали такими выдающимися данными, то довольствовались рабочими местами помощников бурильщика, причем мне предстояло работать в жекином подчинении).

Поселили нас в ветхом домике с единственным окошечком; половину полезной площади домика занимала русская печь, а в

остальное пространство мы втиснули свои кровати. Ваха уже в первый день познакомился с нашей соседкой – симпатичной алтайской старшеклассницей Гулей. Разбитная девчонка хозяйничала дома одна, пока её родители где-то в горах заготавливали сено. Их роман разворачивался стремительно, и уже со следующего вечера до нас стал доноситься залиvistый смех юной прелестницы. Гулины родители вернулись, когда их меньше всего ожидали. Ваха ретировался через окно, но по злому умыслу или случайно оставил своей визави мою штормовку со студенческим билетом. На следующее утро, когда мы с Жекой находились на вахте, Ваха спокойно принял рассерженных «моим поведением» родителей Гули и, наговорив обо мне много хорошего, заверил их, что у меня серьезные намерения жениться на их дочери. Как ни странно, но Гуля подхватила эту шутку, и мне уже невозможно было разуверить Гулькиных родителей, что я не имею к их чаду не малейшего отношения. Ко всем моим несчастьям, говорили они по-русски неважно, и переводчицей у них была все та же Гуля. Ваха её больше не интересовал, и она буквально преследовала меня. Нельзя сказать, чтобы я очень уж этому противился. В свободное от работы время мы лазили с ней по горам, она учила меня целоваться по-алтайски, охотиться на бурундуков и многому другому. Расплата наступала в редкие приезды Гулькиных предков. Меня звали в гости и расспрашивали о семье, о моих планах на будущее, как бы мимоходом замечая, что горные инженера здесь получают уйму денег, и что им сразу дают жилье в бараке. Я нехотя отвечал, проклиная всех на свете, особенно Ваху и себя заодно за бесхарактерность. Гулька постоянно хихикала. В такие минуты я мечтал только о скорейшем окончании практики, но до её завершения мне предстояло пережить еще одну Вахину шутку.

В то злосчастное утро, возвратившись из штольни, Ваха с торжественным видом принялся раскладывать на своей постели куски бикфордова шнура, капсуля-детонаторы и что-то еще, в ярко-красной бумаге. Его лицо, цвета бумаги, в которую обычно заворачивали аммонитовые шашки, излучало самодовольство, видимо он рассчитывал, что мы, отталкивая друг друга, будем

завистливыми глазами пожирать его богатство. Но мне лично было не до взрывчатки. В ночную смену Жека разрешил мне немного поуправлять буровым станком... Короче говоря, аварию в скважине мы ликвидировали только на рассвете и вымотались так, что ни есть, ни спать, ни даже разговаривать не хотелось. К тому же жлобина Жека выразил сомнения в моей профессиональной пригодности, а я в свою очередь напомнил ему, у кого он списывал курсовые и контрольные по специальности. Он почему-то обиделся и, завалившись в кровать, молча рассматривал потолок, также не обращая на Ваху внимания. Олег, разбуженный нашим приходом, как обычно принялся писать свои стихи и вряд ли слышал Вахины рассуждения:

– Взрывчатка вещь в хозяйстве необходимая. Хочешь ямину вырыть. Пожалуйста! А можно пойти порыбачить, или соседа поугубить. Но тут меру надо знать. Как вы думаете, полшапки хватит для такого дела?

Мы промолчали.

– Мужики, учитеесь, как детонатор вставлять, – снова начал Ваха.

Я покосился в его сторону. В руках он вертел небольшой красный кулек, обвитый огнепроводным шнуром. Заталкивая своё рукоделье в банку из-под сгущенки, Ваха еще раз попытался заинтересовать нас:

– Смотрите, какая граната получилась. Жахнет, мало не покажется.

И снова никто не отзывался.

Ваха вышел в сени, а когда вернулся, сатанинская улыбка гуляла по его лицу. В руках он держал свое изделие, внутрь которого, шипя, уползал огонек по зажженному бикфордову шнуру.

– Спасайтесь, кто может, – хохотнул Ваха и бросил взрывпакет под кровать к Олегу.

Здесь-то все и началось. Я был единственным свидетелем, так как среагировал быстрее всех, и с громким протяжным воем – «Пожар», спрятался за печку. Здесь, как за каменной стеной, успокаивал я себя, сжимаясь в комок и ежесекундно ожидая взрыва. Олег бросился к выходу и стал колотить голыми пятками по двери. Из сеней доносился демонический хохот Вахи, успевшего подпереть дверь. В этот момент смысл наших прыжков и воплей дошел до жирафа Жеки, который попытался повторить легендарный подвиг севастопольского матроса Кашки. Растянувшись на полу, он выгреб из-под кровати вахину гранату и, со свойственной ему богатырской силушкой метнул её в окно. На этом бы все и кончилось, но банка, ударившись о раму, отскочила на свое прежнее место. Олег, сообразив, что дверь ему не по плечу в красивом прыжке, которому позавидовал бы и горный козел, пролетел над своей кроватью. Задребезжали стекла под его энергичными пинками, но рама не поддавалась. Жека всей своей шестипудовой массой обрушился на дверь. Удар. Лампочка под потолком качнулась, как при девяти бальном землетрясении по шкале Рихтера, но запоры выдержали. Еще удар... Ещё... И вновь без результата. Прыжок Жеки на помощь поэту был менее изящным. Опрокинув кровать и стол, он умудрился зацепить своими длинными ногами взрывпакет, который со зловещим грохотом покатился в мой угол. Теперь уже я, продолжая имитировать рев пожарной сирены, выскочил из своего укрытия и принялся стучать ногами и руками по запертой двери. Когда же я увидел, что Жека выбил раму, то поспешил к спасительному выходу. Но здесь снова возникло препятствие. Олег вылетел из окна пулей, а жердина Жека застрял. Его голова и почему-то одна нога были уже в безопасности, а тяжелая задняя часть закрывала мне путь к спасению. Ежесекундно оглядываясь, я молотил кулаками по этой части Жекиного тела, пытаюсь подтолкнуть его коленом и отгоняя шальную мысль впитаться в неё зубами.

Мне показалось, что прошла вечность, пока Жека все же вывалился из окна, через мгновение на его могучую спину выпрыгнул и я. Мы отбежали на несколько метров и залегли. Минуты две-три было тихо, затем на крыльце появился Ваха,

трясаясь от смеха, он разрывал пакет и разворачивал бумагу. Пакет был пуст.

Конечно, следовало хорошенько набить Вахе морду, но нас остановила одна его фраза:

– Для вас же стараюсь, что бы вам скучно не было.

Скучать на пятом курсе нам не пришлось тоже. Именно тогда Ваху осенила простая до гениальности мысль: бесплатные пьянки можно организовать самому, если приложить небольшие усилия. А где можно вдоволь напиться? Конечно, на свадьбе. А что для этого надо сделать? Да сущий пустяк, найти своим однокурсникам подходящих невест.

Мы не сразу разгадали коварные, далеко идущие Вахины планы, когда он исподволь заводил разговоры, о нелегкой судьбе буровика, которому просто необходима верная спутница жизни. Он красноречиво предрекал, что в далеких сибирских поселках или среднеазиатских аулах, куда разбрасает нас всесоюзное распределение, мы уже не сможем найти достойную пару и будем ограничены в выборе среди малообразованных или непривлекательных якуток или туркменок. Когда мы слабо возражали, что ни чего не имеем против смешанных браков, поскольку в них рождаются талантливые и красивые дети, Ваха рисовал еще более жуткие картины бытового алкоголизма по причине отсутствия рядом родственной души.

Действительно, проблема с женским полом в группе буровиков существовала. На нашу специальность девушек не брали, если не считать эксперимента, когда заведующей кафедрой Степан Степанович Сулакшин, для краткости прозванный СС, принял в среду буровиков маленькую девчушку, под кодовым именем Молекула. Ажиотажное внимание буровиков всех пяти курсов к единственной буровичке испортило это юное создание. Молекула наравне со всеми научилась пить водку, не стеснялась в выражениях и, мягко говоря, не могла служить эталоном нравственности. Для Вахи она являлась наглядным примером

нашего бесперспективного будущего, если мы свяжем свою судьбу с подобными геологинями.

Все дело в том, что у Вахи уже были наведены мосты со студентками из фармацевтического училища, где существовала проблема, подобная нашей, только у них катастрофически не хватало парней. Ваха с огромным энтузиазмом и, главное, весьма успешно начал исполнять роль свахи. Девчатам он рассказывал про романтические путешествия геологов по необъятным советским просторам, и о том, что эта единственная специальность позволяющая увидеть шестую часть земли, постоянно переезжая с одного месторождения на другое. Но главное, чем покорял Ваха неопытные девичье сердца, были рассказы о серьезности намерений его сокурсников. Мол, пятый курс, без пяти минут горные инженеры, якобы торопятся жениться перед отправкой в дальние края. Масштабы Вахи не ограничивались нашей комнатой, он водил в общежитие медиков всю нашу группу, сопровождающие эти встречи застолья были праздниками для Вахиной души. Он заливался соловьем, рассказывая анекдоты и всевозможные случаи из своей бурной жизни, и конечно, напивался в стельку.

Однажды в морозную предновогоднюю ночь, после подобного застолья нам с Олегом досталась нелегкая миссия довести Ваху домой. Он постоянно падал, и мы, естественно, падали вместе с ним, идти он не желал абсолютно, как только мы брали его под руки, он сразу же поджимал ноги. Два-три шага – и мы все втроем валились на заснеженный тротуар. Когда, обессиленные, мы уже хотели бросить его на полпути, он вдруг открыл глаза и почти трезвым голосом произнес:

– Мужики, вы меня обути забыли.

Вахины усилия не пропали даром, и после Нового года мы трижды погуляли на свадьбах. Могли, конечно, и больше, но однажды авторитетный Жека заявил во всеуслышание, что не доверяет фармацевтам, не дай бог, чем-нибудь не угодишь такой супруге – тебя отравит, и ты не узнаешь, от чего умер.

«Потеря» сразу трех студентов из нашей группы, перебравшихся на съемные квартиры, дала Вахе повод для новой аферы. Он уговорил «женатиков» не выписываться из общежития, а всю нашу группу растасовал по комнатам так, что в результате одна из них оказалась свободной. Комната использовалась для уединенных свиданий и практически не пустовала, многие в общежитии знали о её существовании, но свято хранили тайну. Главным распределителем ключа, естественно, был Ваха, и оттого его авторитет возрос многократно. Благодаря тайной комнате, вплоть до защиты диплома, Ваха чуть ли не еженедельно гулял на свадьбах, а больше половины нашей группы уехала по распределению женатыми людьми. Не избежал этой участи и я, хотя всячески игнорировал Вахины потуги женить меня. В бурной своднической активности Вахи я видел только его корысть – желание погулять на свадьбе, и потому решил про себя ни принимать от Вахи никакой помощи и не прислушиваться к его советам.

Однажды Ваха, придя с очередной свадьбы, начал рассказывать, что встретил там девушку с огромными глазами, неземной красоты и точеной фигуркой, но так и не сумел с ней познакомиться, хотя выяснил, что она вроде бы студентка нашего института. Всю неделю в комнате шли разговоры, как отыскать эту прекрасную незнакомку, особенно загорелся Жека. Он предлагал различные варианты, как среди 12 тысяч студентов политехнического института отыскать одну-единственную. Вахе, естественно отводилась в этих поисках главная роль, и он был горд таким вниманием к нему со стороны всей группы. Страсти накалялись, среди буровиков проводился конкурс на лучший портрет, написанный со слов Вахи. Все участники получали от счастливого, вживую созерцавшего божественную красавицу, уклончивые ответы, что их работы – лишь жалкая пародия на оригинал. Я тоже участвовал в конкурсе, поддавшись всеобщему гипнозу, мечтая познакомиться с такой красоткой, хотя и принимал в поисках пассивное участие.

Дело в том, что мне тогда нравилось проводить свободное время в соседнем общежитии химико-технологического факультета. Там вместе с моей сестрой училась смешливая девушка Валентина. Мы

несколько раз вместе играли в карты на интерес. Проигравший должен был исполнять различные поручения, к примеру, высунуться из окна общежития и полаять на прохожих. Этим наше знакомство и ограничивалось. В то время, когда поиски прекрасной незнакомки шли полным ходом, Валентина напросилась на танцы в наше общежитие. Когда я привел её в свою комнату, Ваха вдруг как-то переменялся в лице, и, отведя меня в сторону, шепнул, что это и есть его незнакомка, более того, он сообщил об этом и Жеке. Симпатичная девушка Валя предстала для меня в совершенно ином свете, по достоинству оценил её красоту и Жека. Началась здоровая конкуренция, и когда на студенческой дискотеке мы вместе со старостой подошли к Валентине с приглашением на танец, она выбрала меня. Весной мы поженились. Валентина, как жена декабриста поехала по моему распределению на Дальний Восток и Камчатку, а затем в Кузбасс и Киргизию.

Как-то незаметно пролетели тридцать лет, я давно растерял своих однокурсников, поменял профессию. Там более неожиданным и приятным было для меня приглашение приехать на полувековой юбилей кафедры «Технология и техника разведки месторождений полезных ископаемых».

В солидных дядях с трудом узнавались прежние юноши. Только седовласого профессора Сулакшина, нашего СС, время не изменило. Жека, а точнее, Евгений Митрофанович Животов, мэр якутского города Нерюнгри, прилетел на встречу со своей супругой – изящной светской дамой, в которой проглядывали давно забытые черты Молекулы. Вспоминая молодость, мы выпили, не чокаясь, за тех, с кем уже никогда не встретимся. (Вопреки Жекиным прогнозам, среди ушедших в мир иной не оказалось наших однокурсников, женившихся на фармацевтах). Для меня было полной неожиданностью известие о том, что Олег Гордабудских, после бракосочетания, взял фамилию жены, и сейчас он – Миронович, подрабатывает поэзией в Израиле. Но, конечно, особенно часто вспоминали похождения Вахи, хотя о его дальнейшей судьбе так никто ничего и не знал. Смеялись над его розыгрышами и приколами, пересказывали друг другу, как за день

перед защитой диплома растерянный Ваха бегал по всему общежитию с мольбой:

– Мужики, объясните, пожалуйста, что у меня в этом проекте нарисовано.

Оказалось, что из всей нашей группы профессор Сулакшин запомнил только Володю Куприянова. Он рассказал нам, как на защите Ваха брякнул, что при бурении скважины в её станках образуются каверзы. Кто-то из членов экзаменационной комиссии поправил его:

– Вы наверно хотели сказать, что при бурении штанги выбивают каверны в стенках скважины.

– Да, поправился Ваха: – Я хотел сказать, что на стенках скважин образуются вы...боны.

Это оговорка с выбоинами вызвало в комиссии бурный смех, а СС поспешил ретироваться из аудитории. Заведующий кафедрой признался нам, что это был единственный случай в его многолетней практике, когда ему было так стыдно за своего студента.

Когда в аэропорту провожали Жеку, он отвел меня в сторону:

– Как там Валентина поживает?

– Хорошо. Правда, за детками скучает, они у нас учатся в Америке.

– Передавай от меня огромный привет. Знаешь, я сейчас вспомнил еще об одном Вахином розыгрыше. Может, не стоило тебе говорить, но, наверно, ты и сам давно обо всем догадался. Помнишь, ту историю с поисками таинственной незнакомки?

– Конечно, ведь это была моя Валентина.

– Нет, Саша, это был всего лишь розыгрыш. Неземная красавица существовала только в Вахиных фантазиях, и по его гениально задуманному сюжету она должна была материализоваться в любой из девушек, с которой ты познакомишься.